

B. Zeisler. Relative tense and aspectual values in Tibetan languages: a comparative study. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004. xxv, 986 p.

Тибетский язык является одним из наиболее изученных сино-тибетских языков. Сохранилось много письменных памятников, самые ранние из которых относятся к середине VIII века н. э. Существует большое количество словарей, описаний, грамматик и отдельных ра-

бот, посвященных различным аспектам как классического тибетского, так и современных тибетских диалектов. Однако при всей изученности материала, некоторые вопросы тибетской морфологии до сих пор остаются не совсем ясными. Это, в частности, касается и гла-

гольной системы. Именно этой достаточно широкой теме и посвящена рецензируемая монография Беттины Цайслер “Категории аспекта и относительного времени в тибетских языках”.

Автор рассматривает глагольные системы древнетибетского (середина VIII – конец X в. н.э.) и классического тибетского языка (под последним в данной работе понимается средне-тибетский язык XI–XVII вв. н.э.), а также тибетский язык XVII–XIX вв. Помимо этого, в монографии представлены подробные описания глагольных систем основных современных тибетских диалектов: лхасского, на котором говорят в Центральном Тибете и в тибетских общинах Индии и Непала, восточных диалектов амдо и кхам, западных диалектов балти и ладакхи. Автор проводит сравнение отдельных явлений в разных диалектах, а также сравнение глагольных систем в целом. Описание не ограничивается только синхронным уровнем. Б. Цайслер предлагает реконструкцию прототибетской глагольной системы и, что особенно ценно, прослеживает эволюцию глагольной системы тибетского языка от древнетибетского языка до современных диалектов. Тем самым перед нами не разрозненные описания отдельных диалектов, а попытка создания единой и цельной картины развития тибетского языка. Следует отметить, что такой детальный синхронный и диахронический анализ глагольных форм тибетского языка предпринимается впервые.

Исследование имеет типологическую направленность, поэтому на фоне тибетского в книге рассматриваются глагольные системы других языков, такие, как славянские (в том числе болгарский), древнегреческий, романские и германские, а также арабский.

Отдельно следует отметить качество приводимых примеров. К числу несомненных достоинств работы относится то, что исследование построено на реальном языковом материале, т.е. внимательно учитываются употребление глагольных форм в текстах, а не только данные словарей и грамматик. Таким образом анализируются все глагольные формы, независимо от того, считали ли их предшествующие исследователи регулярными или нерегулярными. (Эту особенность анализа отмечает и сам автор в предисловии к книге.) При анализе форм древнего и классического тибетского языков используются тексты соответствующего периода; в случае же современных диалектов привлекаются как тексты и материалы других исследователей, так и материалы, собранные самой Б. Цайслер во время экспедиций в Западный Тибет. Каждое утверждение автора иллюстрируется достаточно большим

числом примеров, а в необходимых случаях приводятся и статистические данные.

Монография состоит из предисловия и четырех частей. В Первой части, которая достаточно объема и состоит почти из двухсот страниц, рассматриваются существующие в современной лингвистике концепции времени, аспекта и наклонения. Такое пристальное внимание к общим теоретико-типологическим проблемам описания словоизменительных глагольных категорий вызвано тем, что традиционная терминология, использовавшаяся при описании глагольных форм тибетского языка, не всегда удовлетворительна. Так, согласно традиционным тибетским и западным описаниям, тибетский глагол может иметь до четырех основ, которые обычно называются основами прошедшего, настоящего и будущего времен, а также основой императива. Данные тибетских языков свидетельствуют о том, что названия этих основ не соответствуют их употреблению, и, следовательно, их нельзя описать с помощью категорий абсолютного времени и наклонения. Для того, чтобы ответить на вопрос, с помощью каких же грамматических категорий можно описать глагольную систему тибетского языка, автор и обращается к типологическими исследованиям.

Вторая часть посвящена собственно темпоральным и аспектуальным категориям тибетского глагола. В первой главе приводятся общие сведения о тибетском языке: его месте среди других сино-тибетских языков, а также классификация и фонетические особенности современных диалектов.

Вторая глава состоит из нескольких разделов и содержит описание тибетского глагола. Все глаголы можно разделить на контролируемые (т.е. обозначающие действия, выполнение которых контролируется агенсом) и неконтролируемые (т.е. обозначающие действия, которые происходят, так сказать, “сами по себе”, без участия или намерения агенса). Принадлежность к одному из этих двух классов определяет морфологические особенности глагола. Так, контролируемые глаголы могут иметь все четыре основы, в то время как неконтролируемые могут иметь максимум две основы (настоящего и прошедшего времени). Кроме того, в современных тибетских диалектах от класса глагола зависит падежное оформление агенса и пациенса и выбор вспомогательных глаголов.

Все глагольные основы, образуя различные глагольные формы, имеют несколько функций (или значений), которые устанавливаются из контекстов. Все они приводятся в таблицах, при этом особо отмечаются функции, которые встречаются не во всех тибетских диалектах.

Предполагается, что противопоставление первых двух основ, а именно основ настоящего и прошедшего времени, можно описать с помощью категории относительного времени и, т.е. основа “прошедшего времени” указывает на то, что ситуация имела место раньше некоторой другой, а основа “настоящего времени” – на то, что ситуация имела место одновременно или позже. Основа же “будущего времени” выражает скорее необходимость совершения действия, т.е. не темпоральное, а модальное значение. Основа императива изначально служила для выражения возможности совершения действия. В самостоятельных разделах рассматриваются отглагольные имена, отрицательные частицы, категории согласования и эвиденциальности.

После раздела, в котором приводятся общие сведения о тибетском глаголе, рассматриваются конкретные глагольные системы разных тибетских диалектов. Все глагольные системы описываются по единой схеме. В начале каждого описания приводятся сведения о фонетических, морфологических и морфонологических особенностях, а также словоизменительных глагольных категориях данных диалектов. Затем рассматриваются употребление и функции основ будущего, настоящего и прошедшего времени. В конце каждого описания приводятся таблицы, в которых представлены все функции (значения), которые могут принимать глагольные формы. Такая организация материала позволяет легко ориентироваться в тексте, и у читателя появляется четкая картина устройства глагольной системы данных языков.

Вначале описывается древний и классический тибетский язык, т.е. языки письменных памятников, а затем уже глагольные системы языков-потомков, т.е. современных тибетских диалектов. Уже в древнем и классическом тибетском языке основа будущего времени служила для обозначения необходимости действия, и, таким образом, она либо вообще не имела временной соотнесенности, либо относилась к будущему. Значение необходимости могло ослабляться, и тогда временное значение становилось главным. Эта форма использовалась, например, в клятвах, обетах, законах, запретах и т. п.

Основа настоящего времени употребляется для описания актуальных ситуаций, находящихся в процессе развития в момент речи, и ситуаций, которые должны произойти в ближайшем будущем, а также для описания привычных ситуаций (общих фактов и привычных действий). Она может использоваться и при описании действий, относящихся к прошлому. Автор специально отмечает, что последнее

употребление обычно не рассматривается тибетскими грамматистами.

Основа прошедшего времени сочетает в себе функции аориста, имперфекта и перфекта. Она может также использоваться для описания ситуаций, которые относятся к будущему или для описания общих фактов. В этом случае акцент делается не на самом действии, а на его результате.

Описывая глагольные формы, автор пытается реконструировать значения отдельных тибетских аффиксов. Эта тема также мало изучена. В принципе доказано, что тибетские аффиксы (имеется в виду древнетибетский и классический тибетский) имеют параллели в других сино-тибетских языках и восходят к сино-тибетским морфемам. Однако их значения и функции до сих пор точно не установлены. Хотя методы внутренней реконструкции не всегда позволяют установить значения аффиксов, приведенный материал, как нам кажется, важен для сравнительного анализа, для сопоставления материалов тибетского языка с другими сино-тибетскими языками.

В четвертом разделе второй главы анализируется глагольная система лхасского диалекта тибетского языка. В этом диалекте нет отдельной основы будущего времени. Специальные морфемы и вспомогательные глаголы, присоединяясь к основам настоящего/будущего и прошедшего времени, образуют различные формы настоящего, прошедшего и будущего времени. В отличие от форм древнетибетского и классического тибетского языков, в лхасском диалекте появляются новые глагольные формы, такие как, например, форма ближайшего будущего. Появляются также формы перфекта, дуратива и комплетива и новые показатели эвиденциальности. Отдельно рассматривается вопрос о падежных показателях агенса и пациенса у разных форм переходных глаголов.

В пятом разделе второй главы описываются глагольные системы восточных тибетских диалектов амдо и кхам. Эти диалекты изучены существенно менее полно, чем лхасский. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют составить представление об их глагольной системе. В них также нет отдельной основы будущего времени. Так же, как и в лхасском диалекте, специальные морфемы и вспомогательные глаголы, присоединяясь к основам настоящего и прошедшего времени, образуют различные глагольные формы. Интересно, что в восточных диалектах есть эвиденциальные формы настоящего, будущего и прошедшего времени, которые указывают на то, что говорящий не был свидетелем соответствующих ситуаций, но догадался о них, исходя из наблюдаемых фактов. Соответственно, в этих диалектах есть

несколько перфектных форм глагола. Кроме того, вспомогательные глаголы могут служить для передачи различных фаз действия.

Третья часть книги целиком посвящена западным тибетским диалектам ладакхи, пурик и балти. Б. Цайслер сама занималась изучением диалекта ладакхи, поэтому он рассмотрен максимально полно и подробно. Приводится исчерпывающая библиография по данным диалектам. Для определения границ диалектов подробно рассматриваются фонетические, морфонологические и лексические изоглоссы этого ареала. Отмечается сильное влияние таких языков, как урду, английский и арабский (многие носители западных диалектов – мусульмане), вплоть до угрозы полного исчезновения этих диалектов.

Западные диалекты обладают некоторыми характерными особенностями, отличающими их от всех остальных тибетских идиомов, например, суффикс прошедшего времени -s встречается после любых согласных, что было невозможно в древнетибетском и классическом тибетском. Другой пример – дательный/местный падеж субъекта переходных глаголов, обозначающих неконтролируемое действие (в других языках используется инструментальный падеж).

Как и в других тибетских диалектах, в западных диалектах существуют способы выражения различных фаз действия. В них также используется несколько показателей эвиденциальности (максимально – семь в диалекте лех).

В заключительной, четвертой части предлагается попытка реконструкции глагольной системы тибетского языка от пратибетского уровня к древнетибетскому и классическому тибетскому. Затем рассматриваются разные пути развития глагольных систем современных тибетских диалектов.

Предполагается, что изначально глагольные основы обозначали способы действия и/или модальность. Так, форма императива изначально имела значение возможности, у которой потом появилось вторичное значение императива. Основа будущего времени обозначала необходимость совершения действия. Основы настоящего и прошедшего времени древнетибетского и классического тибетского не противопоставлены как имперфектив и перфектив, т.к. основа прошедшего времени сочетает в себе функции аориста, перфекта и имперфекта. Предполагается, что то, что сейчас называется основой настоящего времени, изначально обозначало просто действие, направленное на изменение объекта, а то, что называется основой прошедшего времени, – результи-

рующее состояние после изменения. Каждая из основ имела свою аффиксальную маркировку.

Рассуждая о семантике основы прошедшего времени, автор анализирует тибетские глаголы с точки зрения количества их форм. Для тибетского глагола важным семантическим признаком является контролируемость/случайность действия. Глаголы, обозначающее осознанное, контролируемое действие морфологически более сложны, т.к. имеют четыре глагольных формы, а неконтролируемые – только две. Таким образом, контролируемые глаголы, будучи более сложными по структуре, являются производными. Автор предполагает, что это восходит к пратибето-бирманскому состоянию, в котором глагольные корни могли обозначать состояния и процессы, происходящие независимо от воли деятеля.

Носители языка и тибетские грамматисты разделяют действия, направленные на объект, и действия, направленные на изменения объекта, для которых этот объект – неотъемлемая часть действия. В первом случае он маркируется дативом/локативом, во втором – никаких падежных окончаний не присоединяется. Предполагается, что такое деление глаголов действия также восходит к пратибето-бирманскому.

Как нам кажется, делать такие общие выводы, основываясь на данные только одного языка из многих, не совсем корректно. Однако такой ход рассуждений задает направление исследования глагольных систем других сино-тибетских языков и, возможно, найдет свое подтверждение в будущем.

Автор предлагает также реконструкцию значений тибетских аффиксов и пути развития их функций и значений. Как уже отмечалось выше, вопрос о значениях тибетских аффиксов до сих пор остается открытым, поэтому попытка автора интерпретировать эту систему, исходя из данных тибетского языка и опираясь на тексты, представляется очень важной для тибетологии и сино-тибетологии. Это позволяет по-новому взглянуть на всю систему сино-тибетских аффиксов в целом, т.к. тибетский язык лучше других сохранил следы общей сино-тибетской морфологической системы. Как нам кажется, этот раздел очень важен для специалистов, занимающихся изучением сино-тибетских языков и реконструкцией морфологической системы праязыка.

Переходя от древнего состояния языка к современному, автор отмечает некоторые общие особенности развития морфологии современных тибетских диалектов, отмечая как функционируют в них старые аффиксы и морфонологические чередования. Рассматривается также эволюция составных глагольных форм,

вспомогательных глаголов, показателей эвиденциальности и т.п.

Отдельно рассматриваются конструкции с вспомогательными глаголами, которые указывают на направление действия к или от говорящего, а также на достижение результата, длительность или интенсивности действия. Похожие глагольные конструкции есть и в современном китайском языке (модификаторы и результативные морфемы).

В заключении автор приходит к выводу, что тибетские глагольные формы следует описывать в первую очередь с помощью категорий наклонения и относительного времени.

Хотя автор пишет, что ее книга ориентирована прежде всего на специалистов-тибетологов, а также типологов, занимающихся глагольными категориями времени и аспекта, нам кажется, что ее читательская аудитория шире. Помимо вышеперечисленных групп ученых, эта фундаментальная монография также представляет большой интерес для компаративистов, занимающихся сравнительным анализом сино-тибетских языков и реконструкцией морфологической системы праязыка, а также специалистов по другим сино-тибетским языкам, в частности, синологов. Специалисты по китайскому языку получают возможность сравнить глагольные системы современных и классических языков, в которых обнаруживаются некоторые сходства. Специалисты в области сино-тибетских языков имеют уникальную возможность, опираясь на материалы всего одной книги, получить исчерпывающие данные о глагольных системах тибетских языков, которые можно использовать для реконструкции глагольной системы прасино-тибетского языка.

Особо хочется отметить значение этой книги для российских ученых. Так сложилось, что в нашей стране крайне мало лингвистов, занимающихся изучением тибетского языка. В нашей стране, как и ранее в Советском Союзе, в основном, изучались отдельные аспекты тибетского языка, но не проводилось комплексного изучения всех языковых уровней. Прежде всего, востоковедов-филологов интересовали религиозные и литературные тексты. Во-вторых, материалы тибетского языка, в первую очередь классического тибетского языка, использовались компаративистами для сопоставления с данными других сино-тибетских языков на предмет составления классификаций, реконструкций сино-тибетской фонетической системы и этимологического словаря сино-тибетских языков. Издание данной монографии позволит включить тибетский язык в сферу научных интересов специалистов в разных областях лингвистики. Хотелось бы, чтобы эта книга была переведена и издана на русском языке или стала бы доступна в библиотеках.

Издательство Mouton de Gruyter, выпускающее эту книгу, уже достаточно давно выпускает монографии, посвященные различным сино-тибетским языкам. Таким образом, эта работа является одной из многих в серии, каждая из которых, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания специалистов-востоковедов. Надеемся, что книги этого издательства станут доступными в России, и востоковеды получат возможность быть в курсе последних публикаций западных коллег.